

КУЛЬТУРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.2

В. И. Молодин^{1,3}, **Л. Н. Корякова**², **Л. Н. Мыльникова**¹

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

² Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия

³ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: liudmilamy@mail.ru

КОМПЛЕКСНЫЙ ПРОЕКТ «КУЛЬТУРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ НА ПАМЯТНИКАХ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА» УРАЛЬСКОГО И СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЙ РАН: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье публикуются результаты, полученные группой исследователей Института археологии и этнографии СО РАН и Института истории и археологии УрО РАН в ходе реализации совместного проекта, выполненного в 2009–2011 гг. Его главной целью было выявление основных тенденций и ключевых факторов культурной вариативности для археологических образований бронзового и раннего железного веков в Урало-Западносибирском регионе.

Ключевые слова: Урал, Западная Сибирь, эпоха бронзы и раннего железного века, культуры, вариативность.

В 2009–2011 гг. коллектив специалистов Института археологии и этнографии СО РАН и Института истории и археологии УрО РАН проводил совместные исследования в рамках интеграционного проекта «Культурная вариативность на памятниках Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа». Его главной целью было выявление основных тенденций и ключевых факторов культурной вариативности для археологических образований бронзового и раннего железного веков в Урало-Западносибирском регионе (степь-лесостепь). При этом затрагивались и культуры более позднего времени.

Коллектив ставил перед собой следующие задачи: поиск и оценку различных проявлений культурной вариативности на локальном и региональном уровнях (выявление круга базовых памятников); изучение современных теорий культурной изменчи-

вости в отечественной и зарубежной археологии; проведение проблемно ориентированных полевых исследований на основе согласованных методологических подходов на базовых памятниках регионов; выявление составных культурных компонентов изучаемых памятников и их анализ с учетом обозначенной выше цели; определение основных факторов культурной вариативности на памятниках обозначенного территориально-хронологического локуса.

Работа была организована по блокам, соответствующим хронологическим периодам эпохи бронзы и раннего железа, а также по локальным районам Урало-Сибирского региона. В данном вступительном очерке мы коснемся некоторых результатов, полученных коллективом в ходе исследований по проблематике проекта.

Первый блок таких результатов касается уточнений современных теорий культурной

изменчивости, культурной вариативности и ее археологических индикаторов.

В рамках проекта были проанализированы предпосылки становления эволюционной археологии, а также такие ее категории, как культурная трансмиссия, отбор, культурный дрейф. Рассмотрены виды и механизмы культурной трансмиссии. Проведены сравнения генетической и культурной наследственности, дано определение культуры как популяционного феномена, который генерируется через посредство действий людей и принимает археологическую форму благодаря постоянному, социально обусловленному повторению таких действий от поколения к поколению. Материальная часть культурной информации (артефактная кодовая система) передается внутри и между поколениями людей, и эта передача в значительной мере свободна от биологических рамок. Сделан вывод о необходимости не только описывать культурные образования и культурные типы, но объяснять причины их сменяемости [Корякова, Молодин, 2010].

Вторым блоком результатов следует считать итоги изучения конкретных проявлений культурной вариативности в степной и лесостепной зонах Урала и Западной Сибири в бронзовом веке.

Детальные исследования в микрорайоне Каменный Амбар (Ольгино) (долина р. Карагайлы-Аят, Карталинский р-н Челябинской обл.) позволили сопоставить на локальном уровне модели культурной вариативности. В плане обозначенной темы акцент был сделан на выделении культурных традиций разного времени, отраженных в различных археологических комплексах поселений синташтинской, петровской и срубно-алакульской культур. Отмечено, что эти традиции различаются по ряду признаков (различный архитектурный стандарт, орнаментально-морфологические особенности керамики), сохраняя при этом некоторые элементы, позволяющие связывать их культурной преемственностью.

Все выше сказанное неизбежно актуализирует вопрос о механизмах этой преемственности [Корякова, Молодин, 2010; Корякова и др., 2011].

Проведен анализ понятия «степная цивилизация», вошедшего в широкий оборот в отношении различных групп памятников,

в той или иной степени выделяющихся набором специфических особенностей на фоне сравнительно гомогенных культур бронзового века Северной Евразии. Ключевым признаком цивилизации признается урбанизация. Под этим углом зрения были оценены синташтинские памятники. В результате установлено, что данная группа, несмотря на очевидные отличия от других культур бронзового века Евразии, не демонстрирует ключевых характеристик цивилизации: урбанизации, ярко выраженной социальной дифференциации, специализации ремесла, торговли и пр. С нашей точки зрения, выработанная местным населением социально-экономическая модель является оригинальной и самостоятельной, и попытка втиснуть ее в рамки существующих концепций (в конечном итоге базирующихся преимущественно на этнографических аналогах) – малоперспективна. На примере погребальной обрядности носителей синташтинской культуры были рассмотрены проявления культурной вариативности по всем основным показателям. Предложены варианты интерпретации причин зафиксированной в археологических памятниках высокой (в сравнении с более поздними, алакульскими) степени вариативности. С синташтинским периодом связано усложнение социальной градации, на это же время, как следствие, приходится и наиболее очевидный пик культурной вариативности. Несмотря на то, что общая сложность социальной системы в последующее срубно-алакульское время, видимо, не стала существенно меньше, происходит трансформация ее формы: иерархическая модель сменяется гетерархической, более соответствующей достигнутому технологическому уровню [Еримакхов, 2009; Епимахов, 2009а; 2009б; 2009в; 2010а; 2010б; Корякова, Еримакхов, 2007; Среда..., 2009].

Наиболее устойчивыми чертами характеризуются памятники срубно-андроновского периода, имеющие свидетельства широких контактов представителей этих традиций в пределах региона. Признано, что особенно наглядно известная «каноничность» проявляется в идеологической сфере (погребальная обрядность). Этот период, в отличие от предшествующих, является временем постепенной культурной эволюции, которая была существенно ускорена лишь в завер-

шающий хронологический отрезок бронзового века [Епимахов, 2010а].

Еще одна область работ была связана с проблемами относительной и абсолютной хронологии поселения Каменный Амбар и синташтинских памятников в целом. Синтез стратиграфической информации с результатами радиоуглеродного датирования позволил наметить и выразить в цифрах основные этапы функционирования памятника. Кроме того, проведена критическая оценка методики создания дробной хронологии, предложенной А. И. Хаванским для синташтинских памятников. Установлено, что схема базируется на ряде неопределенных допущений, а выводы (в целом совпадающие с мнением большинства специалистов) заложены на этапе формулирования задачи. Для того чтобы достигнуть прогресса в исследовании данной проблематики, необходимо накопление значительного количества радиоуглеродных дат [Епимахов, 2011].

К настоящему времени на Южном Урале выделено более десятка археологических культур и типов, существенно различающихся по облику и вмещающему их ландшафту. Были получены хронологические блоки, проведена синхронизация основных культур, установлена существенная разница по основным показателям за вычетом основы жизнеобеспечения. Среди аспектов, различающих эти культуры, рассмотрены степень культурной вариативности и формы ее проявления. На основе данных археозоологии и археологии исследованы некоторые аспекты социальной жизни синташтинского населения, в частности – связь жертвоприношений животных с возрастом и гендером погребенных. В ходе анализа выявлено, что обе эти социальные характеристики влияли на отбор жертвенных животных при доминирующей роли возраста [Берсенева, 2008; 2009; 2010а; 2010б; 2010в].

В рамках современной эволюционной парадигмы проанализированы археологические, антропологические и генетические данные по археологическим культурам лесостепного Обь-Иртышья, обладающие потенциалом междисциплинарного исследования. Сделан вывод о том, что смены археологических культур не всегда связаны со сменой населения, в ряде случаев определяющую роль играли формы культурной наследственности [Пилипенко и др., 2009; Корякова и др., 2009; Корякова и др., 2010;

Корякова, Молодин, 2010; Pilipenko et al., 2010].

Исследования могильника Гартас-1 позволили сопоставить на локальном уровне модели культурной вариативности эпохи развитой бронзы в лесостепной части Западной Сибири. Акцент был сделан как на выделение культурных традиций разного времени, отраженных в различных археологических комплексах могильника, так и на вариации в рамках андроновской традиции. В последнем случае вариативность проявляется в засыпке могил золистой почвой, содержащей остатки поселенческого мусора в виде фрагментов керамики и костей животных; в наличии могил-кенотафов, содержащих один-два сосуда; в присутствии рыбы в погребальном обряде (замена заупокойной пищи с классического мяса на рыбу); в наличии вторичных захоронений с нарушением анатомического положения костей скелета; в помещении в захоронения своеобразного сопроводительного инвентаря (оружие, блюда из рога, костяные ложки с ручками в виде стилизованных рыбок), ранее не фиксируемого в погребениях.

Вариативность как результат этнокультурного влияния и взаимовлияния фиксируется также в изменении положения покойного в могиле (наряду со скорченным на боку с согнутыми руками и ногами зафиксировано положение вытянуто на спине, на спине с разведенными ногами, на спине с подогнутыми ногами), а также в наличии в андроновских могилах инокультурной керамики.

Кроме того, вариативность как синтез культурных традиций проявляется в наличии разнокультурных захоронений, совершенных в одних рядах; в наличии в одной могиле костяков с разным положением; в присутствии в одной могиле сосудов с разнокультурной орнаментацией, а также сосудов со смешанными технологическими характеристиками [Молодин и др., 2009а; 2009б].

С позиций вариативности погребальной практики, которую позволяют проследить археологические источники, бесспорный интерес вызывают материалы кургана № 25 комплекса памятников эпохи бронзы Заречное-1 [Мыльникова и др., 2010]. Они проливают свет на особенности освоения пришедшим андроновским населением новой территории. Это были, скорее всего, малые

группы людей, нацеленные на поиск пригодных хозяйственных зон и образующие в среде местного населения поселения-анклавы. Кроме того, данные материалы позволяют оценить характер взаимоотношения мигрантов и аборигенных популяций, демонстрируя вариативность довольно устойчивых норм погребальной практики пришельцев в условиях нового природного и социального окружения [Молодин, 2010а; 2010б; 2011].

Археологические исследования погребальных комплексов эпохи бронзы, проведенные в лесостепном Обь-Иртышском междуречье, дали результаты, позволившие во многом по-новому представить историко-культурные процессы, проходившие в регионе в III – начале II тыс. до н. э. Предложенная в начале 80-х гг. XX в. В. И. Молодиным схема развития культур эпохи бронзы в регионе [1983], хотя и осталась во многом «рабочей», вместе с тем претерпела существенные дополнения и изменения [Молодин, 2010а; 2010б; Молодин и др., 2009а; 2009б].

Кроме того, выявлены принципиально новые, ранее не известные нюансы, касающиеся социальной стратификации населения. Например, у носителей культур ранней – развитой бронзы западно-сибирской лесостепи (по крайней мере, одиновской, кротовской, елунинской) имелись каменные, костяные и бронзовые жезлы, демонстрирующие образы лошади, птицы и рептилии либо рыбы. Учитывая уровень развития социумов в этот период в Сибири, их наличие обусловлено скорее религиозными, нежели властными вождескими функциями. Об этом свидетельствует разнополый и возрастной состав людей, похороненных с жезлами [Молодин, Чемякина, 2010].

Обоснован культурный статус памятников конца эпохи бронзы, выделенных в Барабинской лесостепи еще в 80-гг. XX в., но не получивших в то время, в силу слабой степени изученности проблемы, определенного наименования. Сегодня можно констатировать, что данные погребальные комплексы более всего сопоставимы с материалами пахомовской культуры. Анализ группы памятников (Старый Сад, Преображенка-3, Абрамово-4, Гандичевский совхоз, Гришкина Заимка и пр.) позволяет говорить о миграционных потоках, которые можно

связать с территорией Северного Казахстана и Тоболо-Иртышья [Молодин и др., 2011]. Определен тип данной диффузии как «перепрыгивающей», выборочной колонизации региона малыми группами, нацеленными на поиск оптимальных для них зон и образующих поселения-анклавы среди местного населения. Результат этого процесса – мозаичность культур обозначенного времени и региона.

Третий блок результатов – итоги изучения культурной вариативности в степной и лесостепной зонах Урала и Западной Сибири в переходный период от бронзового к железному веку.

В рамках проекта были собраны и систематизированы имеющиеся в литературе и отчетах материалы по территории Зауралья. Для анализа были привлечены данные о металлопроизводстве, хорошо иллюстрирующие наличие далеких и разнонаправленных связей местного населения. Для данного периода также характерна высокая степень культурной вариативности, частным проявлением чего стало большое число выделенных культурных вариантов и типов (белоключевский, берсуатский и т. п.). Несмотря на дефицит фактических данных, можно констатировать, что высокая вариативность была не следствием иерархической социальной структуры, а результатом включения местного населения в обширную систему внешних связей, а также миграций [Епимахов, 2009в], что было, в целом, типично в этот хронологический период и для территории Западной Сибири [Косарев, 1984; Молодин, 2010а; 2010б; 2011].

Время перехода к раннему железному веку – X–IX (VIII) вв. до н. э., более отчетливо прослеживается в северной (лесостепной и горно-лесной) части региона, где осложняющим фактором культурогенеза стали носители гамаюнских традиций. С ними связывается появление укрепленных поселений, на некоторых были выявлены вероятные следы военных действий [Епимахов, Епимахова, 2009]. Однако, как оказалось, этот стимул (миграция населения с севера) не был актуален для населения степной и даже южно-лесостепной зон, поскольку граница распространения гамаюнских традиций не выходит за бассейн р. Миасс, для Приуралья же и вовсе нет оснований говорить об их следах. Важным для анализа об-

щей ситуации является сопоставление материалов финала эпохи бронзы с началом железного века. Если в лесостепной (и подтаежной) зоне намечены вероятные траектории культурной эволюции (см.: [Зимина, Зах, 2009] и др.), то для степной зоны таковых обнаружить пока не удастся [Епимахов, 2009в; 2010б].

Имеющиеся данные пока не позволяют судить о социальных аспектах культурной вариативности, хотя она явно имела место, как и в предшествующий период. Причиной тому являются особенности погребальной практики. Несколько легче обнаруживаются источники внешних «заимствований», что иллюстрирует общую «открытость» культуры.

Определено, что специфика поселенческих комплексов лесостепной зоны Западной Сибири в переходный период от бронзового к железному веку состоит в том, что они демонстрируют тенденцию совместного бытования различных керамических традиций: позднеирменской (автохтонной) и инокультурных: лесостепного, степного и таежного круга культур. На разных памятниках их соотношение различно. На некоторых памятниках (Омь-1) оно незначительно. В западных областях (Чича-1) наиболее прочными можно считать южные связи (Северный Казахстан), западные (Среднее Прииртышье и Приуралье) и северные и северо-восточные (Северное Приобье). Восточный ареал (Линево-1) демонстрирует преимущественно северные, южные и восточные связи. Данные процессы трудно определить как ассимилятивные. Скорее, для них можно предложить модель аккультурации, взаимного обогащения и сближения, диалога культур, обеспеченных пассионарностью участников диалога, благоприятными экономическими и политическими условиями [Мыльникова, Дураков, 2010].

Анализ керамических коллекций памятников Западно-Сибирской лесостепи от Зауралья на западе до Ачинско-Мариинской лесостепи на востоке демонстрирует неоднородность технологической традиции. Вместе с тем общей для всех этих культурных групп закономерностью является наличие компонентов, связанных с северным, таежным кругом культур, проявляющихся в той или иной степени, как в технологических, так и в декоративных особенностях оформления керамической посуды.

За этой закономерностью кроется общая тенденция продвижения на юг северных миграционных потоков, которые, вместе с тем, имели разные истоки и по-разному проявлялись в среде воспринимавших их аборигенов западно-сибирских лесостепей.

Среди рассмотренных памятников выделены группы объектов, демонстрирующих три разные модели этнокультурных процессов, вероятно, связанных с передвижением носителей гончарных традиций из северных регионов.

К первой группе относятся памятники, где зафиксирована «чистая пришлая» керамика (городище Чича-1, поселение Линево-1).

Ко второй группе – памятники, керамические коллекции которых фиксируют не только приход нового населения, но и одновременное сосуществование разных культурных групп и их смешение в пределах одного комплекса. Коллекции керамики городищ Чича-1 и Завьялово-5, поселения Линево-1 демонстрируют многочисленные и разнообразные примеры контактов и наличия синкретичных комплексов керамики. К данной группе памятников относятся также городище Маяк, Смирнов Ручей 1, Мариинское городище 1 (Ачинско-Мариинская лесостепь). Сходные процессы демонстрируют материалы молчановской культуры (Томско-Нарымское Приобье). Аналогичная модель фиксируется и для памятников Среднего Прииртышья.

Наконец, к третьей группе относятся памятники, керамический комплекс которых позволяет говорить о приходе носителей традиций гончарства смешанного характера, уже адаптированных в местной среде (Мыльниково, Инберень V–VII, памятники восточного варианта иткульской культуры) [Молодин, Мыльникова, 2011; Молодин и др., 2009а; Мыльникова, 2010].

Технологический анализ технической керамики металлообрабатывающего производства памятников Западной Сибири позволил выявить два направления развития производственных традиций региона, отличающиеся по морфологии, способам формовки, режиму обжига, составу формовочных масс. Одна из них существовала в Приобье и Барабинской лесостепи и связана с позднеирменской культурой. Вторая локализуется в Среднем Прииртышье и относится к красноозерской культуре. Выявлена

восточная параллель евразийской поселенческой традиции изготовления культовой глиняной пластики.

Таким образом, выделены керамические традиции различных археологических комплексов Западносибирской лесостепи в переходное от бронзы к железу время. Отмечено, что эти традиции различаются по ряду признаков (различный технологический стандарт, орнаментально-морфологические особенности), сохраняя при этом элементы, позволяющие связывать их культурной преемственностью. Высокая вариативность керамических комплексов внутри культурных образований была результатом включения населения в обширную систему внешних связей и миграций и менялась не только по степени интенсивности, но по формам проявления [Молодин, Мыльникова, 2011; Молодин и др., 2009а; Мыльникова, 2010].

Проведенный анализ костного материала древнего поселка Линево-1 позволяет выделить несколько областей хозяйственно-бытовой и производственной деятельности населения, в которых находили применение костяные орудия: выделка кож и пошив одежды, охота, рыбная ловля, земельные работы. Основу хозяйственной деятельности населения поселка составляло развитое животноводство. Основной специализацией в домашнем ремесле было кожевенное дело (выделка кож животных и пошив из них верхней одежды, обуви и т. п.). Сравнительно-типологический анализ показывает большое сходство костяных изделий поселения Линево-1, как по форме, так и по функциональному назначению, с аналогичными материалами памятников переходного времени от бронзы к железу: Чича-1 в Барабинской лесостепи, Мыльниково в Барнаульском Приобье. Костяная индустрия поселения Линево-1 характеризуется массовостью отдельных категорий изделий, их широким ассортиментом, востребованностью в материальной жизни населения. Она демонстрирует отлаженное производство, с четкими технологическими схемами (от выбора сырья до готового изделия). Отбор сырья был тесно связан с видовым составом стада и промысловых животных. С точки зрения технологии изготовления – можно говорить о широком наборе приемов и технической завершенности готового продукта.

Выработанная местным населением социально-экономическая модель с признаками специализации демонстрирует еще одно направление динамики экономики в переходный период от бронзового к железному веку [Мыльников, Мыльникова, 2011].

Четвертый блок результатов – итоги изучения культурной вариативности в степной и лесостепной зонах Урала и Западной Сибири в эпоху раннего железа.

В рамках реализации проекта проведен критический анализ концепций по проблемам культурных взаимодействий в Зауральской лесостепи в эпоху раннего железа, обозначены основные дискуссионные вопросы. Исследована проблема взаимодействия лесостепного населения и кочевников [Корякова и др., 2010; 2011], показана стилистическая вариативность зауральской керамики [Шарапова, 2010]. Предложена модель формирования и динамики развития гороховской культуры. Выполнена работа по обобщению, систематизации, анализу и интерпретации данных коллекций керамики гороховской культуры. В ходе исследования установлено, что бытовые и ритуальные сосуды отличаются по форме, размерам и орнаментации, что частично обусловлено их функцией. Среди этих характеристик декор посуды является главным компонентом, позволяющим реконструировать векторы культурных контактов. Его отличительные черты (особенно на погребальных сосудах) указывают на происхождение гороховской керамической традиции. Они чужды предшествующим орнаментальным стереотипам лесостепи, но имеют близкие параллели в керамическом комплексе кочевников Южного Урала. Коллекция бытовых сосудов включает характерную группу изделий, украшенных штампованными мотивами, которые появляются вследствие тесных взаимодействий с соседним лесостепным населением [Пантелеева, 2009; 2010].

В результате детального изучения погребальной керамики гороховской культуры выявлены основные виды посуды, дифференцирующиеся по своим морфологическим и орнаментальным характеристикам. Различия в их географическом распределении позволили предположить сосуществование в рамках данного объединения четырех локальных групп населения, обитавших, по видимому, на конкретных, но не изолиро-

ванных друг от друга территориях. С каждой группой соотносится специфический комплекс погребального инвентаря, очевидно, соответствующий культурной и социальной идентичности ее представителей [Пантелеева, 2010].

Выразительным примером культурной вариативности может считаться комплексно исследованное Павлиново городище, на котором представлено большинство культурных типов Среднего Зауралья раннего железного века. В этом смысле городище может считаться типичным для зауральского региона [Корякова и др., 2009].

В рамках концепции гибридного развития культур, отводящей материальной культуре существенную роль в сложении и развитии форм самовыражения, в течение трех лет велось изучение социального развития древних обществ Зауралья и Западной Сибири. Был предпринят поиск и выявление источников, которые могли бы характеризовать идентичность обществ поздней первобытности. Основное внимание было уделено изучению различных невербальных средств, которые позволяли индивидам создавать и выражать свою идентичность¹.

Завершен анализ соотношения боевых травм и предметов вооружения на примере погребений взрослых индивидов саргатской общности, предпринята попытка выявления специфических маркеров статуса женских погребений [Sharapova, Razhev, 2010], а также исследован обычай деформации черепа на Урале и в Западной Сибири в раннем железном веке [Sharapova, Razhev, 2011].

Проведено исследование, посвященное социальным аспектам погребальной практики саргатской культуры. Оно показало, что погребальная вариативность во многом объясняется иерархическим устройством общества. На одном полюсе находятся очень богатые погребения в больших курганах, на другом – погребения с крайне незначительным количеством инвентаря, не требующие особых усилий на свое устройство.

Вариативность в выборе сопроводительного инвентаря свидетельствует также о

гендерном и статусном символизме. Бесспорно, присутствуют гендерные группы мужчин и женщин, где биологический пол увязан с социальной ролью индивида. В гораздо большей степени это связано с мужчинами – гендерная группа мужчин-воинов составляет большинство среди мужской погребенной популяции. В женских и детских погребениях гендерный символизм выражен менее ярко, здесь преобладают гендерно-нейтральные «ансамбли» артефактов. Вариативность, связанная с возрастом смерти, прослеживается лишь на уровне «взрослый / незрелый». Чаще всего вариативность выражается в локализации (и размере) могильных ям и составе сопроводительного инвентаря. Обрядовые группы, основанные на родстве, наиболее трудны для идентификации. В некоторых случаях они, вероятно, совпадают с многомогильными курганами. Археологически пока невозможно проследить сколько-нибудь устойчивые закономерности, но сам вопрос нуждается в дальнейшем изучении. Наряду с анализом конкретного материала, предложен анализ методологических подходов к социальной интерпретации погребальной обрядности, принятых в зарубежной археологии [Берсенева, 2008; 2009; 2010а; 2010б; 2010в].

В рамках изучения вариативности погребального обряда эпохи раннего железного века Западной Сибири проведены раскопки и анализ материалов могильника Погорелка-2 в Новосибирской области. В ходе анализа удалось установить ряд оригинальных проявлений ритуальной практики и провести параллели с обрядами оставления иттерма в культурах угорского круга. Высказано предположение, что первоначально действия, близкие ритуалам «провода души», были связаны с процессом возведения кургана, далее они совершались уже на самостоятельных участках на территории некрополей, позднее – на обособленных местах, не связанных с могильниками. И, наконец, по данным этнографии, проводились на окраинах селений. Тем не менее очевидно, что нельзя напрямую связывать памятники саргатской культуры со средневековыми угорскими. Речь идет лишь о вероятной тенденции, о существовании идей, которые в эпоху переселения народов с частью своих носителей могли проникнуть на север и, трансформировавшись в местной среде, на новом витке культурогенеза проявиться на этих

¹ См.: Sharapova S. Beyond the Silk Road: Cultural Identity of the Iron Age Forest-Steppe Population of the Trans-Urals and Western Siberia // *Serica Da Qin: Over 2000 Years of Sino-Western relations* / Eds. G. Malinowski, A. Paroń, B. Szmoniewski. In print.

территориях уже как самостоятельный феномен, связанный с традициями таежного круга [Молодин и др., 2009б].

Проведен анализ орнаментации керамики саргатской культуры памятников Барабинской лесостепи и Прииртышья. Установлено, что в ее орнаментике существует достаточно устойчивый набор орнаментальных мотивов: горизонтальная и вертикальная «елочка», зигзаг, различные насечки и вдавливания (семечковидные, подтреугольные), ямки, жемчужины, «защипы», свисающие треугольники различной конфигурации, горизонтальные линии в области шейки. Практически все составляющие орнаментального комплекса носителей культуры известны в предшествующее время в орнаментике различных культур позднебронзового времени (сузгунской, поздней ирменской, бархатовской). Нетипичные элементы («уточка», волнистая линия и т. п.) появляются единично, как результат взаимодействия с северными соседями.

Прослежена определенная зависимость орнаментальных мотивов и формы сосуда. Свисающие треугольники использовались для декорирования узкогорлых или среднегорлых горшков со средней или высокой горловиной и выпуклыми или слабовыпуклыми плечиками. Сосуды с низкой слабопрофилированной или наклоненной внутрь широкой горловиной орнаментировались таким образом только на раннем этапе (Туруновка-4, Ложка-4). Сосуды с яйцевидной придонной частью и низкой слабопрофилированной или наклоненной внутрь горловиной могли полностью покрываться подтреугольными вдавливаниями, в верхней части изделия выстроенными упорядоченно, а в нижней – хаотично. Видимо, такой орнамент не характерен для других форм посуды и встречается на них очень редко. Дно у плоскодонных сосудов, как правило, полностью орнаментировалось вдавливаниями или насечками по кругу.

Установлен «зональный канон» нанесения того или иного художественного мотива. Например, «елочка» и зигзаг, как правило, наносили только по горловине, иногда спускаясь на плечики. Свисающими треугольниками декорировались плечики сосудов, а придонную часть и дно покрывали семечковидными хаотичными вдавливаниями. Если вдавливания или насечки использовали в

орнаменте тулова или горловины, то в большинстве случаев их выстраивали в горизонтальные ряды (Омь-1, Чича-1, Коловское городище). Горизонтальные линии располагались в области перехода горловины к плечикам.

Выявлены количественные характеристики того или иного мотива на различных памятниках восточного ареала, Прииртышья, Притоболья и тем самым уточнены их хронологические и территориальные различия.

На протяжении всего периода существования саргатской культуры использовалась различная техника нанесения орнамента. Доминирующей всегда была резная техника, на втором месте – накольчато-ямочная. Гребенчатая техника также использовалась, но в меньших количествах [Кобелева, 2010а; 2010б].

Проанализированы керамические материалы со смешанных, саргатско-большереченских, поселений Каргат-4, Ложка-4 и могильников Быстровка-1, Быстровка-3. Установлено, что процент синкретичной посуды в материалах поселений небольшой. В материалах могильников при наличии в одном кургане сосудов саргатской и большереченской культур, посуда, сочетающая в себе обе керамические традиции, вообще отсутствует.

Отмечено, что, несмотря на совместное проживание и постоянные контакты, носители каждой из культур сохраняли морфологически устойчивый набор посуды.

Обнаружено, что керамика саргатской культуры орнаментирована с использованием резной и накольчатой техник, а в орнаментации большереченской посуды, помимо выше перечисленных, использован гребенчатый штамп. Выявлено, что частота нанесения орнамента на саргатской керамике выше, чем на большереченской. При этом количество используемых орнаментальных мотивов на керамике обеих групп варьируется от одного до трех. Прослежено, что основными орнаментальными мотивами для керамики большереченской культуры памятников Барабинской лесостепи являются «жемчужины» и «жемчужины с разрядкой». В саргатской орнаментике основные мотивы – «елочка» и «свисающие треугольники».

Результаты анализа керамики из могильников позволяют предположить, что кон-

такты между носителями саргатской и большереченской культур имели характер точечных миграций. Причем эти миграции, по-видимому, носили встречный характер. Материалы поселений показывают их кратковременное сосуществование. Таким образом, смешанные саргатско-большереченские памятники, возможно, демонстрируют пограничное движение населения на небольшое расстояние вдоль границы между расселением групп населения или контакты через торговлю и обмен в рамках региона.

В результате, полученные по всем направлениям выводы нашли отражение в публикациях различного характера и представлены в виде докладов на конференциях. Теоретические положения отражены в совместных статьях Л. Н. Коряковой и В. И. Молодина, а также в пленарном докладе, представленном на III Международном Северном археологическом конгрессе (Ханты-Мансийск, ноябрь 2010 г.). В рамках проекта на Конгрессе была организована и проведена специальная секция «Социокультурная вариативность в древности: археологические проявления и интерпретации». В ее работе приняли участие 30 ученых из различных городов России. Работа секции и дискуссия, развернувшаяся на ней, продемонстрировали актуальность данной проблематики и полученных в ходе ее исследования результатов. Некоторые из них публикуются в данном выпуске журнала.

Список литературы

- Берсенева Н. А.* Гендерный символизм в детских погребениях синташтинской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. № 4 (22). С. 99–109.
- Берсенева Н. А.* К вопросу об организации пространства курганов саргатской культуры (по материалам Среднего Прииртышья) // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Материалы Всерос. конф. Тюмень, 24–26 марта 2009 г. Тюмень: ИПСО СО РАН, 2009. Вып. 1. С. 44–47.
- Берсенева Н. А.* Детские погребения саргатской культуры Среднего Прииртышья: социальный анализ // Кочевники Центральной Азии и Забайкалья: история, экология, современные трансформации / Под ред. Н. Н. Крадина. Владивосток: Дальнаука, 2010а. С. 14–22.
- Берсенева Н. А.* Социализация детей как одно из направлений социокультурной адаптации в древних обществах (по материалам синташтинской культуры) // Уральский исторический вестник. 2010б. № 2. С. 38–45.
- Берсенева Н. А.* Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010в. № 3 (43). С. 72–81.
- Епимахов А. В.* Завершающие века эпохи бронзы Южного Зауралья: штрихи к портрету // Проблемы археологического изучения Южного Урала: Сб. науч. тр. / Под ред. Н. Б. Виноградова. Челябинск: АБРИС, 2009а. С. 56–66.
- Епимахов А. В.* Бронзовый век Южного Урала: экономическая стабильность и социальная динамика // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2009б. № 1 (23). С. 180–202.
- Епимахов А. В.* От археологии памятника к археологии социума: эпоха бронзы Южного Зауралья // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2009в. № 3 (25). С. 92–104.
- Епимахов А. В.* Бронзовый век Южного Урала: экономическая и социальная эволюция // Уральский исторический вестник. 2010а. № 2. С. 31–37.
- Епимахов А. В.* «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. 2010б. № 2. С. 39–50.
- Епимахов А. В.* О внутренней хронологии синташтинских памятников бронзового века (Южный Урал) // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: Сб. науч. тр. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 319–320.
- Епимахов А. В., Епимахова М. Г.* Миасское городище: к вопросу о южной границе бархатовских и гамаюнских древностей // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Сб. науч. тр. Челябинск, 2009. С. 66–70.
- Зими́на О. Ю., Зах В. А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Кобелева Л. С.* Морфологические особенности керамики саргатской культуры // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т. Н. Троицкой): Сб. науч. тр. Новосибирск, 2010а. С. 127–131.

Кобелева Л. С. Орнаментальные традиции керамики саргатской культуры (по материалам памятников Барабы и Прииртышья) // III Северный археологический конгресс. Доклады. Ханты-Мансийск, 8–13 ноября 2010 г. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2010б. С. 97–98.

Корякова Л. Н., Краузе Р., Епимахов А. В., Шарпова С. В., Пантелеева С. Е., Берсенева Н. А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И. В., Чечушков И. В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48) С. 61–74.

Корякова Л. Н., Молодин В. И. Культурная вариативность: старая проблема в новое время // III Северный археологический конгресс. Доклады. Ханты-Мансийск, 8–13 ноября 2010 г. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 110–141.

Корякова Л. Н., Пантелеева С. Е., Ковригин А. А., Шарпова С. В. «История жизни» Павлинова городища // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Археология евразийских степей. Елабуга, 2009. Вып. 8. С. 137–149.

Корякова Л. Н., Шарпова С. В., Ковригин А. А. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 62–71.

Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.

Молодин В. И. Бараба в древности: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1983. 36 с.

Молодин В. И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т. Н. Троицкой): Сб. науч. тр. Новосибирск, 2010а. С. 61–76.

Молодин В. И. Экологический «стресс» на рубеже II–I тыс. до н. э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010б. С. 22–24.

Молодин В. И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общно-

сти в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова: Тр. Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. Вып. 7. С. 58–69.

Молодин В. И., Кобелева Л. С., Мильникова Л. Н. Погребальный комплекс эпохи поздней бронзы на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. С. 100–105.

Молодин В. И., Мильникова Л. Н. Северные традиции в керамическом производстве культур переходного от бронзы к железу времени лесостепного пояса Западной Сибири (как показатель миграционных потоков) // Экология древних и традиционных обществ: Сб. докл. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 191–200.

Молодин В. И., Мильникова Л. Н., Дураков И. А., Кобелева Л. С. Синкретичная керамика городища Чича-1 // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Сб. науч. тр. Челябинск, 2009а. С. 73–78.

Молодин В. И., Мильникова Л. Н., Новикова О. И., Соловьев А. И., Наглер А., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Кобелева Л. С., Ненахов Д. А. Этнокультурные процессы у населения центральной Барабы в эпоху развитой бронзы (по материалам исследования могильника Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2009 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009б. Т. 15. С. 337–342.

Молодин В. И., Чемякина М. А. Орнитоморфные навершия одиновской культуры (Западносибирская лесостепь) // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 5–14.

Мильников В. П., Мильникова Л. Н. Костяной инвентарь с поселения Линево-1 переходного от бронзы к железу времени // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 183–196.

Мильникова Л. Н. Керамические коллекции памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку лесостепи Западной Сибири // III Северный археологический конгресс. Доклады. Ханты-Мансийск, 8–13 ноября 2010 г. Ханты-

Мансийск; Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 116–117.

Мыльникова Л. Н., Дураков И. А. Линево-1 – поселение переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т. Н. Троицкой): Сб. науч. тр. Новосибирск, 2010. С. 82–98.

Мыльникова Л. Н., Дураков И. А., Кобелева Л. С. Исследование кургана № 25 могильника Заречное-1 // Андроновский мир. Тюмень, 2010. С. 98–117.

Пантелеева С. Е. Бытовая и ритуальная посуда как индикатор этнокультурных процессов (по результатам анализа керамики гороховского типа) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Сб. науч. тр. Челябинск, 2009. С. 117–120.

Пантелеева С. Е. Гороховская культура: формирование и динамика развития (по материалам керамических коллекций) // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 87–95.

Пилипенко А. С., Журавлев А. А., Ромащенко А. Г., Кобзев В. Ф., Молодин В. И. Генотипология населения лесостепной полосы Западной Сибири эпохи развитой бронзы: влияние миграционных потоков // Факторы экспериментальной эволюции организмов. Киев: Логос, 2009. Т. 7. С. 369–372.

Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л. Н. Корякова, М.-И. Дэйр, А. А. Ковригин, С. В. Шаропова, Н. А. Берсенева, С. Е. Пантелеева,

Д. И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е. Г. Ефимова, А. А. Каздым, О. В. Микрюкова, А. О. Сахарова. Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2009. 328 с.

Шарапова С. В. Стилистическая вариативность зауральской керамики эпохи железа // Уральский исторический вестник. № 1 (26). 2010. С. 43–52.

Epimakhov A. V. Settlements and Necropolises of the Bronze Age of the Urals: Opportunities of Reconstruction of Social Dynamics // Monuments, Metals and Mobility: Trajectories of Complexity in the Late Prehistoric Eurasian Steppe. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. P. 79–94.

Koryakova L. N., Epimakhov A. V. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. 400 p.

Pilipenko A. S., Romaschenko A. G., Molodina W. I., Parzinger H., Kobzev V. F. Mitochondrial DNA Studies of the Pazyryk People (4th to 3rd Centuries BC) from Northwestern Mongolia // Archaeol. Anthropol. Sci. 2010. Vol. 2. No. 4. DOI 10.1007/s12520-010-0042-z

Sharapova S., Razhev D. Cranial Traumas and Social Power among Iron Age Forest-Steppe Populations in the Trans-Urals and Western Siberia // EAA 16th Annual Meeting Abstracts Book. The Hague: Leiden Univ., 2010. P. 50.

Sharapova S., Razhev D. Skull Deformation during the Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia // The Biology of the Human Head / Ed. by M. Bonogofsky. Gainesville: Univ. Press of Florida. 2011. P. 202–227.

Материал поступил в редколлегию 08.11.2011

V. I. Molodin, L. N. Koryakova, L. N. Myl'nikova

INTEGRATED PROJECT «CULTURAL VARIABILITY
ON THE ARCHAEOLOGICAL OBJECTS URALS AND WESTERN SIBERIA IN THE BRONZE
AND EARLY IRON AGE» URAL AND SIBERIAN BRANCH OF RAS:
IMPLEMENTATION EXPERIENCE

The paper published the results obtained by a group of researchers of the Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS and the Institute of History and Archaeology Ural Branch of RAS in the joint project carried out in 2009–2011. Its main purpose was to identify major trends and key factors of cultural variation for archaeological structures Bronze and Early Iron Ages in the Urals-West Siberian region.

Keywords: Ural, Western Siberia, Bronze Age, early Iron Age, culture variability.